

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЛИСЫ И МАЛОАЗИЙСКИЕ САТРАПИИ: ТИПИЧНЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В.П. АЛЁХИН

*Белгородский
государственный
университет*

*Белгородский региональный
институт повышения
квалификации
и профессиональной переподго-
товки специалистов*

e-mail: vitaliy-alekhin@yandex.ru

В статье дана сравнительная характеристика греческих полисов и персидских сатрапий Малой Азии, рассмотрены основные проблемы их политической организации. Изучение данной проблемы показало, что полисы и сатрапии являлись различными формами организации общественной жизни, но при этом выполняли сходные функции по оптимизации государственного управления на соответствующих территориях.

Ключевые слова: полис, сатрапия, автономия, Ахемениды.

Тема полиса является одной из основных в историографии античности. На протяжении XIX – XX веков исследователи, подробно рассматривая отдельные аспекты полисной жизни, выявили типичные черты, присущие полису в целом¹. На протяжении длительного времени полис определялся как город-государство с особой формой организации социально-экономической и политической жизни. Хансен на основе подробного анализа античных письменных источников пришел к выводу, что «полис» обычно употреблялся в значении город, государство².

Действительно, античные авторы довольно часто использовали термин «полис» (πολις). Однако, по мнению А.И. Доватура, «контекст и реальные обстоятельства, имевшиеся в виду автором, решали вопрос о значении, в каком слово «полис» было употреблено в каждом отдельном случае: когда в него вкладывался государственно-правовой смысл и когда оно служило просто для обозначения населенного пункта определенного типа»³. При этом следует указать на недопустимость определения полиса как города в современном понимании, поскольку, во-первых, наличие городского центра не является основной детерминантой полиса (см., напр., Paus., X, 4),⁴ а во-вторых – помимо собственно городской территории полисы имели и сельскую территорию – хору, неразрывно образуя с ней единую систему.

Таким образом, только в системе «полис – хора» можно рассматривать полис как город, понимая под последним структуру с особым укладом жизни, отличным от сельского, и, в меньшей степени, с функциями урбанистического центра. В этом состоит принципиальное различие в современном и античном понимании города⁵. При этом мы не склонны противопоставлять понятия «полис» и «город» как это делает Г.А. Кошеленко, придавая античному городу определенные современные черты⁶.

Рассматривая сущность полиса, следует указать, что для самих древних греков полис был, прежде всего, гражданской общиной, обладающей рядом социально-экономических и политических функций. Так, Аристотель, рассматривая генезис по-

¹ Фролов Э.Д. Тема полиса в новейшей историографии античности (к постановке вопроса) // Античный полис. Вып. 5. Л., 1979. С. 3-7.

² Hansen M.N. The Polis as an Urban Centre as a Political Community. Copenhagen, 1997. P. 17-18.

³ Доватур А.И. Политика и политики Аристотеля. М.-Л., 1965. С. 16

⁴ В этом отношении показателен пример Спарты, которая на протяжении большей части своей истории представляла собой объединение из пяти деревень.

⁵ Андреев Ю.В. Историческая специфика греческой урбанизации // Город и государство в античном мире. Проблемы исторического развития. Л., 1987. С. 7-13.

⁶ Кошеленко Г.А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 22.

лиса (дом – деревня – полис), считает его высшей формой человеческого объединения, возникшего «ради потребностей жизни, но существующее ради благой жизни» (Pol., 1, 6-8, 1252 b)⁷. Эту же мысль высказывает Фукидид – «полис – это люди, а не стены» (Thuc., VII, 77, 7).

Для полиса как общности людей одной из базовых характеристик является понятие гражданства, которое находит выражение в противопоставлении данной общности людей всем остальным группам населения, что подразумевает некую автономность, независимость. В сочетании с экономической составляющей такое состояние рассматривалось как автаркия (αυτάρκεια)⁸.

Кроме того, для гражданского коллектива было характерно равенство перед законом – исономия (ισονομία) и равенство в свободе высказывать свое мнение – исегория (ισεγορία). Политически это означало демократическую форму правления с действенным народным собранием. Однако данную посылку не стоит абсолютизировать, как это делают некоторые исследователи. Так, Ю.В. Андреев считает, что монархия, тирания, олигархия, с одной стороны, и полис, с другой – это взаимоисключающие понятия⁹. Мы вынуждены не согласиться с этим мнением, поскольку оно рождает непреодолимое противоречие: приход к власти олигархов неизменно уничтожает полисную организацию. Это же в корне неверно, так как полисы продолжали существовать (и именовались полисами) и при олигархическом, и при тираническом, и даже при монархическом правлении. Понимая это, Ю.В. Андреев далее делает некоторое отступление, говоря о том, что установление олигархического или монархического строя свидетельствует либо о неразвитости, либо кризисе полиса.

Таким образом, полисная организация лишь в идеале предполагала демократическое правление, в действительности же политический строй мог быть самым различным.

Вышеизложенные основы полисной организации были характерны и для греческого населения Малой Азии. Однако в политическом плане малоазийские полисы нередко подчинялись ахеменидскому царю и входили в состав сатрапий, что в определенной степени сказывалось на их внутренней жизни.

Несмотря на принципиальные различия в институциональном плане, тенденции развития греческих полисов и сатрапий Малой Азии в IV веке до н.э. имели немало сходных черт. Однако для более полного понимания этих тенденций необходимо, прежде всего, рассмотреть типичные черты политической жизни и социально-экономической организации полисов и сатрапий.

Основу политической организации полиса составлял коллектив граждан, принадлежность к которому давала целый ряд преимуществ, а также налагала определенную ответственность. Во многих полисах в рассматриваемый нами период принадлежность к гражданскому коллективу ставилась в зависимость от гражданского положения родителей. Так, в Афинах для признания гражданских прав необходимо было, чтобы оба родителя были афинянами (Arist., Athen. pol., 42, 1; Plut., Per., 37). В Спарте же, кроме этого, существовала жесткая зависимость гражданства от наличия земельного надела (клера), прохождения системы спартанского воспитания (агогэ) и участия в общественных обедах (сисситиях, фитидиях). Таким образом, допуск в гражданский коллектив «случайных людей» был значительно ограничен. Однако в некоторых случаях, обычно, если полису была оказана неоценимая услуга, гражданские права могли получить иноземцы, метеки и даже рабы.

Важнейшим политическим институтом любого полиса было Народное собрание (эκκλeσιa, апелла, агора и др.), которое, прежде всего, подчеркивало идею равенства граждан и обеспечивало возможность непосредственного влияния на принятие государственных решений.

⁷ Доватур А.И. Политика и политик ... С. 8.

⁸ Маринович Л.П. Полис и обмен: к концепции Аристотеля // ВДИ. 2003. № 4. С. 52 сл.

⁹ Андреев Ю.В. Античный полис и восточные города-государства // Античный полис. Вып. 5. Л., 1979. С. 25, прим. 33.

Обычно Народное собрание являлось высшим органом власти, однако, в разных полисах и в разные периоды IV века до н.э. оно было таковым лишь номинально. Исходя из особой роли Народного собрания, афинский политический строй определяется как демократия, поскольку полисом «управляет не меньшинство, а большинство народа» (Thuc., II, 37, 1). Аристотель в «Афинской политике» неоднократно подчеркивает значимость экклесии. Действительно, в Афинах экклесия решала важнейшие государственные вопросы: даровала гражданские права, избирала должностных лиц и принимала их отчеты, объявляла войну, заключала мир, занималась вопросами снабжения, рассматривала экономические, политические и религиозные дела (в том числе частного порядка). Кроме того, экклесия могла защищать демократический строй путем остракофории¹⁰.

Принятие решений (псефисмы) осуществлялось по жребию или поднятием рук. При этом любой желающий в соответствии с принципом исегории имел возможность высказать свои соображения по обсуждаемому вопросу¹¹. Таким образом, заседание экклесии нередко превращалось в настоящие дебаты, где главная задача состояла в том, чтобы убедить в своей правоте как можно большее число граждан.

Первоначально посещение экклесии было бесплатным и рассматривалось гражданами как почетное право/обязанность, но к концу V века до н.э. стало очевидным снижение политической активности демоса, что привело к введению оплаты за присутствие на собрании. Регулярность заседания экклесии (40 раз в год) давала возможность беднейшим гражданам не только участвовать в политической жизни полиса, но и, в большей степени, решать свои финансовые проблемы.

Кратко рассмотрев функции афинской экклесии, обратимся к обзору роли Народного собрания в Спарте, взяв за основу данные источников.

Согласно ретре Ликурга, апелла (απελλα) являлась, как и экклесия в Афинах, высшим органом власти в государстве – «господство и сила да принадлежит народу». Она решала широкий круг вопросов внутренней и внешней политики: избирала должностных лиц (геронтов и эфоров), занималась вопросами престолонаследия, принимала постановления об объявлении войны или заключении мира и т. д. Решения апеллы были окончательными и подлежали исполнению (Plut., Lyc. 6).

Однако на практике от столь широких демократических прав не оставалось и следа. Во-первых, апелла не имела права какой-либо инициативы; она могла только принимать или отвергать принятые ранее герусией или эфорами постановления без всякого обсуждения. В.В. Латышев считает, что «правительство могло по своему усмотрению предлагать или не предлагать дело на решение народа и созывало его только для сообщения ему своих распоряжений или, в случае разногласия между правительственными властями, для того, чтобы узнавать мнения народа и его авторитетом утверждать или отвергать известное решение»¹².

Во-вторых, если решения апеллы по каким-либо причинам не устраивали геронтов и царей, то последние могли попросту распустить собрание. Об этом также сообщает Плутарх: «впоследствии толпа разного рода изъятиями и прибавлениями стала искажать и уродовать утверждаемые решения, и тогда цари Полидор и Феопомп сделали к ретре такую приписку: «Если народ постановит неверно, старейшинам и царям распустить», то есть решение принятым не считать, а уйти и распустить народ на том основании, что он извращает и переиначивает лучшее и наиболее полезное» (Plut., Lyc. 6).

¹⁰ Подробно об институте остракизма см.: Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 123-160; он же. Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. №21. С. 3-30; Williams K.D., Forgas J. P., Hippel W. The Social Outcast: Ostracism, Social Exclusion, Rejection, and Bullying. Sydney, 2005; Williams K.D. Ostracism: The Power of Silence. N.Y., 2001.

¹¹ The Athenian Ecclesia: a collection of articles 1976-1983 / Ed. by M.H. Hansen. Vol. 1. Copenhagen, 1983. P. 161-176.

¹² Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч. I. СПб., 1888. С. 105.

Из текста понятно, что апелла часто противилась навязанным ей решениям герусии, которые, по мнению геронтов, а *ргіогі* должны были содержать «лучшее и наиболее полезное». Однако апелла утвердила законодательные инициативы Полидора и Феопомпа, которые убедили народ, что такова воля бога.

Таким образом, апелла, *de jure* обладая верховной властью, *de facto* являлась только исполнителем решений царей и герусии. Соответственно, спартанским гражданам, по сравнению с афинянами, было намного сложнее влиять на принятие политических решений.

Народные собрания с похожими функциями существовали во многих других полисах Греции и Малой Азии¹³, но, с одной стороны, частая смена политического режима существенно снижала эффективность этого института власти, с другой – деятельность народного собрания даже при власти демоса была определенным образом ограничена иными политическими институтами.

В Афинах Совет пятисот (Буле), состоявший из представителей 10 территориальных фил (по 50 человек), в отличие от подобных Советов во многих других полисах, также как и экклесия был демократическим институтом¹⁴. В основные функции Совета входило: подготовка дел для экклесии, их обсуждение и вынесение предварительного заключения, а также назначение Народного собрания и решение основных текущих дел полиса¹⁵.

Таким образом, Совет играл важную роль в политической системе Афин, что, в частности, отражала формулировка псефисмы: «Совет и народ постановили».

Кроме экклесии и буле оплотом афинской демократии был суд присяжных (гелиэя), который, помимо чисто судебных дел, был ответственен за так называемую защиту демократии. В его обязанности входило рассмотрение любых законов (*νομοі*) и псефисм на соответствие демократическим принципам.

В Спарте подобных институтов (т.е. буле и гелиэя) не существовало, их функции исполняли герусия (*геруσία*) и коллегия эфоров (*εφοροι*). Геронты ведали всеми текущими государственными делами и выносили решения, которые для формальности должны были быть утверждены апеллой. Кроме этого, герусия была высшей судебной инстанцией, которая разбирала уголовные дела и государственные преступления.

Герусия состояла из 28 пожизненных членов, избиравшихся только из полноправных граждан не моложе 60 лет. Плутарх по поводу избрания геронтов писал: «Когда народ сходил, особые выборные закрывались в доме по соседству, так чтобы и их никто не видел, и сами они не видели, что происходит снаружи, но только слышали бы голоса собравшихся. Народ и в этом случае, как и во всех прочих, решал дело криком. Соискателей вводили по очереди... У сидевших взаперти были таблички, на которых они отмечали силу крика, не зная кому это кричат... Избранным объявлялся тот, кому кричали больше и громче других» (Plut., Lyc., 26). Аристотель назвал этот способ голосования ребяческим и подверг критике сам институт геронтов в Спарте. Он указывал, что пожизненный статус геронтов в совокупности с их неподотчетностью и неподсудностью приводит к коррупции и всевозможным злоупотреблениям властью¹⁶ (Arist., Pol. II, 4, 17-18, p. 1270b-1271a). На протяжении длительного времени герусия сохраняла свои функции, пока значительно не усилился эфорат.

Аналогом спартанской герусии как аристократического органа в Афинах являлась коллегия девяти архонтов (архонт-эпоним, базилевс, полемарх и шесть фесмо-

¹³ Несколько в стороне стоят беотийские полисы (в том числе и Фивы), где до 379/378 г. до н.э. народные собрания отсутствовали.

¹⁴ В частности, Совет ежегодно избирался; его члены выбирались по жребию, и вторичное избрание гражданина разрешалось лишь спустя несколько лет.

¹⁵ Подробно о функциях Совета пятисот см: Arist., Athen. pol., 43-45.

¹⁶ О коррупции в Спарте см.: Печатнова Л.Г. История Спарты. Период архаики и классики. СПб., 2001. С. 474-493.

метов). Однако коллегия архонтов имела несравнимо меньший политический вес, обладая лишь второстепенными судебными, военными и религиозными функциями.

В Коринфе также известна герусия, которая первоначально рассматривает дела и выносила решение, прежде чем поставить вопрос на голосование перед народным собранием. Однако из-за скудности данных в источниках мы не можем однозначно судить о функциях коринфской герусии в целом. В частности, было ли решение герусии определяющим или нет? Косвенные данные источников позволяют положительно решить этот вопрос. Таким образом, коринфская герусия в плане взаимоотношения с народным собранием приближается к спартанскому варианту.

Для многих полисов рубежа V–IV веков до н.э. источники не упоминают о существовании каких-либо органов власти, предварительно рассматривающих вопросы перед внесением их на обсуждение в Народном собрании (такие данные имеются лишь для эллинистического и/или римского периодов). Однако можно предположить, что существовали определенные магистратуры, которые занимались подобными делами.

В Спарте к числу демократических институтов, которые совместно с апеллой принимали важнейшие решения, исследователи часто относят коллегия эфоров.

Учреждение коллегии эфоров, по свидетельству Геродота (Her. I, 65, 4) и Ксенофонта (Lac. pol. 8, 3), относится ко времени Ликурга, однако в Большой Ретре у Плутарха (Plut. Lyc. 6) об эфорате не упоминается. В связи с этим, следует признать более верным утверждение Аристотеля о создании эфората при царе Феопомпе¹⁷ (Arist. Pol. V, IX, 1, p. 1313a). По свидетельству Плутарха, «цари, постоянно занятые походами, стали выбирать судей из числа своих друзей и оставляли их гражданам вместо себя, назвав «эфорами», то есть блюстителями. Сначала они были просто царскими слугами и помощниками» (Plut. Cleom. 10). Позднее эфорат значительно усилился при Астеропе, который «укрепил и расширил власть эфоров» (Plut. Cleom. 10), при Хилоне его власть приблизилась к царской, а к концу V – началу IV века до н.э. этот институт сосредоточил в своих руках фактически всю государственную власть, установив контроль за апеллой, герусией и царской властью¹⁸. Платон (Leg. IV, p. 712d), Аристотель (Pol. II, VI, 14, p. 1270b) и Ксенофонт (Lac. pol. 8, 4) прямо называют власть эфоров тиранической.

Действительно, коллегия из 5 эфоров обладала колоссальной властью, но вместе с тем, это был во многом противоречивый орган власти, заключавший в себе демократические черты. Во-первых, эфоры властвовали только в течение одного года без права переизбрания. Правда, в течение этого времени они никому не были подотчетны и не могли быть привлечены к ответственности. Определенный отчет эфорат давал только вновь избранной коллегии, но он носил, скорее всего, формальный характер (Arist. Rhet. III, 18, p. 1419a). Во-вторых, согласно Аристотелю, эфоров «выбирали из всего гражданского населения, так что в состав правительства попадают зачастую люди совсем бедные, которых вследствие их необеспеченности легко можно подкупить» (Arist. Pol. II, VI, 14, p. 1270b). Однако далее, как кажется, Аристотель противоречит сам себе, указывая, что «избрание на эту должность следовало бы производить из всех граждан и не тем слишком уж ребяческим способом, каким это делается в настоящее время» (там же, II, VI, 16, p. 1270b). Разрешить это противоречие весьма непросто, поскольку тяжело представить себе, чтобы из числа неполноправных граждан был избран человек на столь значимую должность с почти неограниченными полномочиями. К тому же важно помнить, что в это время эфоры являются председателями апеллы и могут использовать свои полномочия должным образом. Как отмечал В.Г. Васильевский, «нет никакого сомнения в том, что избрание их

¹⁷ Список эфоров-эпонимов начинается с 754 года до н.э. Apollod., 244 F 335a.

¹⁸ Подробнее о власти эфоров см., напр.: Michell H. Sparta. Cambridge, 1964. P. 90-133; Печатнова Л.Г. История Спарты... С. 60-80.

(т.е. эфоров) попадало тем или иным путем в руки господствующей олигархии; эфоры избирались из среды всех, но не всеми»¹⁹.

Кроме указанных органов власти в Спарте мы отмечаем существование еще одного института власти, которого нет в иных полисах Эллады – царской власти. Относительно царской власти в Спарте можно выделить несколько особенностей. Во-первых, наличие диархии, то есть двойной царской власти. В Спарте одновременно правили два царя (βασιλεῖς, ἀρχαῖται) из династии Агидов и Эврипонтидов; оба царя были равны в правах и в спорных ситуациях должны были находить компромисс. Во-вторых, царская власть, по словам Аристотеля, «не является верховной властью в полном смысле: царь – верховный вождь военных сил лишь в том случае, когда он выходит за пределы страны; сверх того, царям предоставлено ведать религиозным культом. Таким образом, эта царская власть является как бы некоей неограниченной и несменяемой стратегией» (Arist. Pol. III, 9, 2, p. 1285a). Однако усиление эфората привело к «ограничению стратегии», когда царя в походе сопровождали несколько эфоров или коллегия советников (Her. IX, 76; Thuc. VIII, 39, 1; Xen. Hell. II, 4, 36; Lac. pol. 13, 5; Diod. XIV, 79 и др.). В целом спартанские цари пользовались лишь незначительными привилегиями и не должны были выделяться из общей массы спартиатов²⁰.

Таким образом, можно сказать, что демократические черты полисной жизни рубежа V–IV веков до н.э. нашли свое существенное выражение только в Афинах; в остальных полисах можно говорить лишь об элементах демократии или ее видимости.

Множество полисов рубежа V–IV веков до н.э. имели олигархическое или аристократическое правление. Ярким примером являются беотийские, фессалийские и малоазийские полисы, во главе которых стояли советы из представителей аристократических (олигархических) кругов. Иногда были сильны тенденции к единоличной власти, что выражалось в установлении тирании или эсимнетии.

Относительно последней можно привести в качестве примера Милет, где эсимнет мольпов был высшим магистратом полиса. Мольпы являлись членами мужского союза, представляющие правительство – коллегия стефанофоров²¹. Глава этой коллегии именовался эсимнетом, его власть была выборной и ограничивалась определенным сроком²².

Подобные институты эсимнетов зафиксированы в других полисах Ионии (например, в Эфесе), а также за ее пределами. Однако в отличие от Милета (и возможно, Эфеса) здесь установление эсимнетии рассматривается как тирания. В связи с этим в источниках нередко «тиран» и «эсимнет» являются синонимами. Аристотель так определяет эсимнетию: «Такие виды правления, с одной стороны, были и являются тираническими, как основанные на деспотии, с другой стороны, относятся к видам царской власти, потому что эсимнетов избирают, причем добровольно» (Arist. Pol. III, 9.5-6). Определение Аристотеля вносит еще большую путаницу в определение сущности эсимнетии и вызывает горячие споры исследователей.

На наш взгляд, определение эсимнетии как тирании или как выборной экстраординарной магистратуры зависело от степени жестокости правления и, возможно, прежде всего, от политических взглядов древних авторов.

В целом, в политико-правовом плане эсимнетия была намного ближе и понятнее ахеменидским властям, чем демократические режимы. Она удачно вписывалась и в государственную систему управления империей, и в определенной степени соответствовала ахеменидской монархической идеологии.

¹⁹ Васильевский В.Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 130.

²⁰ Детальный анализ института царской власти в Спарте, а также деятельности отдельных царей см.: Печатнова Л.Г. Спартанские цари. М., 2007.

²¹ Коллегия стефанофоров формировалась из бывших эсимнетов.

²² Подробнее см.: Соломатина Е.И. Эсимнеги: тираны, верные традициям, или неверно понятая традиция? // ВДИ. 2004. № 2. С. 159-179.

Рассмотрев сущность полиса, его политическую организацию, мы можем говорить о том, что, наряду с характерными общими чертами (понятие гражданства, автономия, исономия, исегория и др.), имелись подчас существенные различия в плане практического воплощения этих понятий. В результате целого комплекса факторов сформировались полисы, отличные друг от друга в политическом плане, причем форма правления могла варьироваться от подлинно демократической до тиранической.

Прежде чем перейти к рассмотрению политической организации малоазийских сатрапий, следует отметить одну немаловажную деталь. Полис являлся не единственной формой организации греческого общества. В отсталых областях Греции (Аркадия, Ахайя, Фессалия и др.) как политические единицы важную роль играли этносы (племена). В современной науке подчеркивается сложность организации этноса, его знаковая роль в формировании политических образований «более территориальных» и сильных, чем полисы²³. Однако следует признать, что данная тематика является еще слабо разработанной и довольно перспективной для дальнейшего изучения.

Персидские сатрапии Малой Азии, подобно греческим этносам, были уникальными политическими образованиями, поскольку включали в себя народы, совершенно различные в социально-экономическом, политическом, религиозном отношении. При этом сатрапская организация оказалась не только жизнестойкой, но и способной к качественной модернизации в рамках основных структур империи Ахеменидов. Чтобы понять причины этого необходимо обратить внимание на типичные черты этой организации, прежде всего, в политическом плане.

Сатрапии рассматриваются нами как административно-территориальные единицы империи Ахеменидов во главе с заместителями – сатрапами, обладавшими рядом гражданских и военных функций.

Сам термин «сатрап» восходит к древнеперсидскому «xsaθgarāna», что означает «блюститель, защитник царства»²⁴. Таким образом, подчеркивается важная роль сатрапов – от их деятельности на местах зависела судьба государства. Греческие источники глав административных округов не всегда именуют сатрапами; так, Геродот и Фукидид нередко используют термины «архонт» или «гипарх»²⁵.

Согласно источникам, сатрапы обладали гражданскими функциями и должны были заниматься административными делами, осуществлять сбор податей, следить за выполнением повинностей, отправлять судебную власть, а также имели право чеканить монету. Под руководством сатрапов находились многочисленные чиновники – начальник канцелярии, сборщики налогов, писцы и т.д. В целом сатрапская канцелярия точно копировала царскую канцелярию²⁶.

Военные функции осуществляли военачальники, назначаемые царем и независимые от сатрапов (Хеп., Оес., IV, 9-12). Однако, как подчеркивает М.А. Дандамаев, требование четкого разделения гражданских и военных функций строго не соблюдалось, и власть сатрапа зависела от многих факторов²⁷. Действительно, если при Дарии I сатрапы имели только отряд телохранителей (Нег., III, 128), то к концу V века до н.э. они обладали не только собственными войсками, но и привлекали греческих наемников²⁸.

Сатрапы контролировали начальников более мелких областей, местных династов, а также греческие полисы.

²³ Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению. М., 2007. С. 31-32.

²⁴ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 112.

²⁵ Petit T. Satrapes et satrapies dans l'empire achéménide de Cyrus le Grand à Xerxès Ier. Paris, 1990. P. 15-20.

²⁶ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика... С. 123.

²⁷ Там же. С. 113.

²⁸ Подробно об изменении функций сатрапов см. Petit T. Satrapes et satrapies dans l'empire achéménide de Cyrus le Grand à Xerxès Ier. Paris, 1990.

Таким образом, Малая Азия являлась территорией, где помимо сатрапской администрации присутствовали самые разнообразные политические объединения, а соответственно форма их зависимости от власти «царя царей» была различной.

Согласно Геродоту, Дарий I разделил империю на 20 административно-податных единиц – сатрапий²⁹. Малая Азия была разделена на четыре округа. Первый округ включал «ионийцев, азиатских магнетов, эолийцев, карийцев, ликийцев, милиев и памфилов», второй – «мисийцев, лидийцев, ласонцев, кабалиев и гитеннов», третий – «геллеспонтийцев, фригийцев, азиатских фракийцев, пафлагонов, мариандинов и сирийцев»; четвертым округом являлась Киликия. Для каждого из этих округов была установлена определенная дань (Нег., III, 89-90).

Однако древнеперсидские эпиграфические источники дают иные списки сатрапий. Так, в Бехистунской надписи Дария I империя разделена на 23 провинции (*dahyâva*), а Малая Азия состоит из Лидии, Ионии, Каппадокии и «стран, которые у моря»³⁰ (DB, 1, 12-17). В надписи Дария I из Накш-и Рустама перечисляются Лидия, Каппадокия, Иония, а также Кария и «ионийцы, носящие на голове щит»³¹ (*Yaunatakabara*) (DNa, 1, 15-30). Персепольская надпись Ксеркса среди списка *dahyâva* также называет Лидию, Каппадокию, Карию и «ионийцев по обе стороны моря» (XPh, 3, 13-28). Наконец, список времен Артаксеркса II или Артаксеркса III, найденный в одной из персепольских гробниц, состоит из 30 подчиненных народов, среди которых названы лидийцы, карийцы, каппадокийцы, ионийцы и «ионийцы, носящие на голове щит» (A?P).

Таким образом, по древнеперсидским источникам, Малая Азия на протяжении более 150 лет подразделялась на 4-5 провинций, что противоречит греческим источникам.

Это противоречие вызывает многочисленные споры. Одна группа ученых (Ж. Позенер, Ю. Юнге, А.Р. Бэрн, Дж. Камерон и др.) рассматривает списки *dahyâva* только как перечень подвластных народов (или территорий), которые не являются административными единицами – сатрапиями³². Другая группа (Ж. Радэ и др.), наоборот, указывает, что персидские надписи содержат списки сатрапий, а греческие писатели, в частности Геродот, приводят списки податных округов³³. Однако, по нашему мнению, ближе всего к истине третья группа специалистов (М.А. Дандамаев, И.М. Дьяконов, О. Леуце, Э. Херцфельд, П. Бриан и др.), которые сходятся во мнении, что податные округа и сатрапии совпадали, и таким образом, греческие и персидские источники лишь дополняют друг друга³⁴.

Из источников известно, что сатрапии делились на более мелкие административные единицы вплоть до деревень. Это нашло отражение в теории О. Леуце, согласно которой каждая сатрапия («*statthalterschaften*») делилась на субсатрапии («*unterstatthalterschaften*»), а последние, в свою очередь, на мелкие области («*bezirke*»)³⁵.

Однако проблема состоит в том, что греческие источники в терминологическом плане не различают главных и подчиненных правителей областей, называя и

²⁹ Геродот использует несколько терминов: *сатрапей*, *воиот*, *архап*.

³⁰ Очевидно, территория близ Геллеспонта.

³¹ Возможно, греки Фракийского побережья, северной Греции или островов Эгейского моря

³² Posener G. La Première Domination Perse en Egypte. Caire. 1963. P. 181; Junge J.P. Satrapie und Natio // *Klio*. Vol. 34. 1942. P. 1-55; Burn A.R. Persia and the Greeks, the Defense in the West, c. 546-478 B.C. London, 1970. P. 111; Cameron G.G. The Persian Satrapies and Related Matters // *JNES*. Vol. 32. 1973. P. 47-50.

³³ Radet G. Satrapies et Nomos // *Mémorial Lagrange. Cinquantenaire de l'Ecole Biblique et Archéologique Française de Jérusalem*. Paris. 1940. P. 21.

³⁴ Дьяконов И.М. История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.-Л., 1956. С. 340-341; Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика... С. 110-111; Leuze O. Die Satrapieneinteilung in Syrien und im Zweistromlande von 520-320. Hildesheim. 1972. P. 204; Ehtéham M. L'Iran Sous les Acheménides. Fribourg, 1946. P. 139-140; Herzfeld E. The Persian Empire. Wiesbaden, 1968. P. 292-295; Briant P. From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire. Winona Lake, Eisenbrauns, 2002. P. 63-69.

³⁵ Leuze O. Die Satrapieneinteilung in Syrien... P. 204; *CHI*. Vol. II. Cambridge, 1985. P. 272.

тех и других сатрапами. Как следствие, для IV века до н.э. количество сатрапий Малой Азии варьируется в зависимости от того, как тот или иной автор понимает данные источники.

Так, Якобс делит империю Ахеменидов на великие, затем на главные, и, наконец, на малые сатрапии. Согласно его теории, Малая Азия является одной великой сатрапией – Лидия, которая состоит из двух главных сатрапий (Лидии и Каппадокии). Далее, главная сатрапия Лидия включает в себя в качестве малых сатрапий собственно Лидию, Геллеспонтскую Фригию, Большую Фригию, Карию и Фракию (с 512 по 479 гг. до н.э.), а главная сатрапия Каппадокия состоит из Каппадокии близ Понта, Каппадокии Тавра и Пафлагонии. Киликия относится к великой сатрапии Вавилония³⁶.

Мы категорически не согласны с мнением Якобса. Во-первых, ни один источник не сообщает о делении Империи на 7 великих сатрапий; это исключительно выводы автора, к тому же далеко не бесспорные. Во-вторых, многие ссылки на греческие источники, которые приводит автор в качестве доказательства соподчинения сатрапов Малой Азии³⁷ (кроме единичных случаев, и то более низшего административного уровня) трактуются вне хронологических рамок, весьма тенденциозно и в угоду рассматриваемой концепции. В реальности случаи подчинения одних сатрапов другим носят временный характер. Чаще всего это назначение царем одного из сатрапов на должность командующего всеми вооруженными силами малоазийских сатрапий на период ведения боевых действий. Как следствие, его приказы касались, прежде всего, военных, а не административных вопросов.

На наш взгляд, главной ошибкой Якобса является то, что он пытается распространить общие схемы на всю территорию державы Ахеменидов и не учитывает изменений, которые происходили в сатрапской администрации на протяжении V-IV веков до н.э.

Греческие города Ионии обладали определенной внутренней автономией и управлялись собственными тиранами или олигархами. Эти правители были настроены чаще всего проперсидски, поскольку видели в персах ту силу, которая была способна противостоять демократическим настроениям в собственных полисах. Персидскому царю было достаточно формального подчинения этих полисов и своевременной выплаты ими установленной дани. В связи с этим, как подчеркивает Якобс, сатрапии «Иония» скорее всего не существовало³⁸.

Собственно сатрапии, такие как Лидия, Каппадокия, Фригия (Большая и Геллеспонтская) до Ахеменидов были основными территориями независимых царств. Это было важной причиной установления здесь непосредственного персидского господства, что выразилось в учреждении сатрапской администрации.

Некоторые территории (Киликия, Кария, Ликия, Пафлагония и др.) управлялись собственными династиями, которые также иногда именовались сатрапами. Очевидно, это было связано с трудностью прямого сатрапского управления вследствие комплекса различных причин (сильная местная власть, относительная моноэтничность, труднодоступность территории и др.).

Наконец, существовали народы (кадусии, писидийцы, мисийцы и др.), которые входили в состав империи Ахеменидов на правах союзников и проводили относительно независимую политику.

В связи с тем, что этническая и политическая картина Малой Азии отличалась большим разнообразием, границы сатрапий могли варьироваться в зависимости от политической конъюнктуры.

³⁶ Jacobs V. Achaemenid Satrapies // Encyclopaedia Iranica Online, 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.iranica.com.

³⁷ См., например: Her., 5, 30; Xen., Hell. I, 4, 4-6; Nepos, Datames [14], 2, 5 и др.

³⁸ Jacobs V. Achaemenid Satrapies // Encyclopaedia Iranica Online, 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.iranica.com

Таким образом, рассмотрев основные черты политической организации греческих полисов и персидских сатрапий Малой Азии, мы пришли к следующим выводам:

- полисы и сатрапии были различными формами организации общественной жизни, соответствующими тем задачам, которые они должны были решать. Полисы объединяли граждан на основе исономии и исегории, что способствовало появлению большого числа полисов, а также попыткам утверждения в них основ демократического строя. Сатрапии, население которых весьма разнилось в этническом отношении, должны были содействовать укреплению державы Ахеменидов как монархического территориального государства.

- греческие полисы Малой Азии оказались в той приграничной области, где наблюдалось активное взаимопроникновение различных черт полисной и сатрапской организации. Это привело к образованию особенного, «смешанного» объединения – полиса с относительно сильной личной властью (тирания, олигархия, эсимнеция), иногда номинально подчиненной сатрапу.

- в отсталых областях Греции и Малой Азии важной формой организации жизни были этносы (племена), которые не знали полисной системы или фактически не входили в состав сатрапий.

GREEK POLEIS AND ASIA MINOR SATRAPIES: TYPICAL FEATURES OF THE POLITICAL ORGANISATION

V.P. ALEKHIN

Belgorod State University

*Belgorod Regional Institute of
Improvement of Professional
Skills and Professional
Retraining of Experts*

*e-mail: vitaliy-
alekhin@yandex.ru*

In this article gives the comparative characteristic of the Greek policies and the Persian satrapies of Asia Minor the basic problems of their political organisation are considered. Studying of the this problem has shown, that poleis and satrapies were various forms of the organisation of a public life, but at the same time carried out similar functions on government optimisation in corresponding territories.

Key words: polis, satrapy, autonomy, Achemenides.